

ОТЧЕТЫ.

(Окончание со 2-й стр.)
За литературу:

Н. Гей — н	1.50
Дет — т	2.10
А. И.	10.00
Роч — р	6.00
Ром	3.00
Бром — ль	0.50
Вел — нд.	11.75
Итого	34.85

За брошюры и журнал в Германии:

Бр — т	6.00
А. И.	15.00
Роч — р	4.25
Ф — фия	3.75
Чес — р	4.00
С. Бет — м	2.50
Итого	35.50

Помощь закл. и изгнанным:

Гам — к	2.00
Ром	3.00
Вел — д	9.00
Итого	14.00

Переезд:

Н. Гей — н	25.00
Бал — р	27.00
Вел — нд	12.00
Он — та	10.00
Ир — с Фале	2.00
Итого	76.00

Общий приход:

За "В"	232.84
За литературу	34.85
За брош. и журн. в Герман.	35.50
Помощь закл. и изгн.	14.00
Переезд	76.00
Итого	393.19

РАСХОД:

За "В."	80.00
Печать	

Машины	30.00
Летучки	23.50
Перевоз ме-ла	1.00
Помещение	2.00
Почтовые расходы и пересылка	33.69
Итого	170.19

Помощь анар-там:

Выдано тов. П.М.	30.00
Переезд тов. из Г-ни	56.00
Итого	86.00

Разные расходы:

За хранение литературы	15.00
Перевод статьи	5.00
Пересылка брошюр	3.34
Итого	23.34

Общий расход:

За "В"	170.19
Помощь анар-там	86.00
Разных	23.34
Итого	279.53

Всего прихода	393.19
Всего расхода	279.53
Остаток	113.66
Оставалось на 1-е сентября	395.96
В нассе на 1-е ноября	509.82

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

Выпуск № 34 журнала задержан не по вине Ред. Коллегии, задержан из за "технические" трудности издания такового в современном обществе даже свободнейших стран, а поэтому мера журнала 34 и 35, т. е. за Октябрь и Ноябрь, месяцы выходят одним выпуском. Приложим все усилия в будущем избежать подобных явлений, дабы не лишать жаждущих истины, света и свободы того маяка, который указывает им путь к намеченной цели.

Ред. Коллегия.

ДЕКАБРЬ 1922 г.

ЦЕНА 15 Ц.

Содержание:	
Интернациональный Конгресс Анархистов.	
Письма о пережитом.	
Против готовящегося преступления польского и русского правительств	
Не будем предаваться иллюзиям.	
Законная эволюция и анархия.	
П. А. Кропоткин о кооперации.	
Анахизм и русская действительность.	
Отчеты и заявления.	

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬН. КОНГРЕСС АНАРХИСТОВ

М. Сук.

Нам остается только приветствовать имеющую состояться 28-го января наступающего года Интернациональный Анархический Конгресс в Берлине. Всякие анархические съезды, совещания, конференции, конгрессы и т. п., уже по одному тому, что они вносят оживление в обывательскую, повседневную анархическую работу и вызывают проявление в большей или меньшей мере известного интереса к тем или иным вопросам анархической практики и теории, — надо признавать явлением в высшей степени важным и желательным.

Инициатива созыва предстоящего Интернационального Конгресса в Берлине исходит в данном случае не от Интернационального Анархического Бюро вызванного к жизни на Интернациональном Анархическом Конгрессе, состоявшемся в прошлом году в Берлине. В силу ряда неблагоприятно складывавшихся обстоятельств пожелания этого Конгресса, поскольку это касалось деятельности созданного Бюро, оказались нереализованными на практике. Приспешивший на Конгрессе обмен мнений, по поводу создания Бюро не представлял ничего утешительного. Товарищи, хотя и высказались за необходимость создания подобного Бюро, но к самому факту отнеслись как бы с легким и с недостаточной серьезностью.

Не без усилий было найдено место нахождения Бюро (Швеция), дело интернациональное казалось как будто бы налаживалось, но вот год почти уже на исходе, "а воз и ныне там". Все это время Бюро не подает признаков жизни и, тем не менее, то, что, вызвавшие его к жизни, анархистские объединения не интересуются и почти забыли о нем.

Надо поэтому думать, что бездельность самого Бюро скорее можно объяснить не какими-нибудь внешними, поставленными ему пре-

пятствиями, а равнодушием к своему созданию со стороны объединений принимавших участие в Конгрессе. Вот почему предстоящий Анархический Конгресс в Берлине созывается не Бюро, а отдельной инициативой товарищей, принявших такое решение на конвенции в Сент-Имье, созванной по поводу 50-ти летия со дня образования первого международного анархического объединения — Юрской Федерации.

С анархической точки зрения является совершенно безразличным — кому принадлежит инициатива созыва данного Конгресса: достаточно и того, что она исходит от тех или иных анархистских объединений. В правомочности созываемого Конгресса нет сомнений, и разговор может быть разве только о недостатках и недочетах технического и практического свойства. Поскольку речь идет о таком многосложном явлении, как созыв Международного Конгресса, — не которые затруднения и пререкания неизбежны. Американские товарищи, например, находят созыв Конгресса несколько поспешным. За отдаленностью нахождения от европейского материка и затруднительностью сообщения, в Америке не только не имели возможности подготовиться к участию в Берлинском Конгрессе в будущем году, но даже пока еще не успели высказать свое коллективное мнение относительно уже состоявшегося Интернационального Конгресса в прошлом году.

Американские товарищи поэтому не могут не указать на желательность в будущем заблаговременного назначения срока созыва подобных Конгрессов с тем, чтобы анархисты самых отдаленных уголков мира имели возможность не только подвергнуть подробному обсуждению предлагаемые к обсуждению на Конгрессе вопросы, но и, в случае желания, послать делегатов с под-

дела тех анархистов, которые будут устраивать свою жизнь не по нашему образцу, а по своему собственному — при условии, конечно, что они не станут посягать на создаваемые нами коммуны.

На предстоящем Конгрессе в Берлине жетельно поэтому видеть анархистов всяких оттенков, которые заявляют себя противниками какой бы то ни было диктатуры, организованного государства и власти. Анархизм нельзя счи-

"ВОЛНА"

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ.

Волин.

Письмо шестое.
Смысл разрушения.

В предыдущем письме мы оттенили общий разрушительный характер русской революции.*)

Мы отметили, что в этом разрушении заключается, прежде всего, ее смысл.

Но само по себе такое утверждение еще далеко не достаточно. Весь вопрос в том, каков этот смысл? Что говорит нам это разрушение? Какие указания можем мы извлечь из него?

Уже самый факт — самая возможность и наличность такого колоссального, длительного, прочно утвердившегося разрушения — в стра- не, занимающей, среди "цивилизованного" мира, около шестой части суши земного шара и насчитывающей до полутораста миллионов населения, заставляет думать, что капиталистический мир окончательно одряхлел и изжил себя; что ему нанесен на этот раз — войной и революцией — смертельный удар.

*) Замечание. — Подробнее о некоторых отдельных сторонах современной русской действительности, не имеющих самостоятельного или особого значения в деле общей характеристики разрушительного процесса и потому мельком или вовсе не затронутых в предыдущем, — будет речь в своем месте.

зять до каких-нибудь одних, определенных рамок. Философия анархизма заключает в себе настолько широкие понятия о свободе, что в нем, как в безбрежном океане, может вестись многообразие и многогранность различных анархистских течений.

Да здравствует Интернациональный Анархический Конгресс!

Да здравствует Интернациональное Объединение Анархистов!

Это вывод становится еще значительнее, если принять во внимание, что дело здесь не только в относительной величине и положении самой России, но и в теснейшей современной связанности всех стран между собою, а также в той исключительной роли, какую именно Россия играет в хозяйственной жизни других стран.

Историческая слабость капитализма в России — недостаточное объяснение. Чрезвычайно характерно, что, несмотря на указанную связанность и заинтересованность, мировой капитализм не мог ни предотвратить, ни остановить процесс разрушения в России. И с другой стороны, чрезвычайно существенно то обстоятельство, что — именно благодаря этой связанности — разрушительный процесс, охвативший Россию — разрушительный процесс, охвативший Россию, не может быть локализован и изолирован, не может замереть в пределах ее самой: он должен сильно и глубоко отразиться на ее жизни и судьбах других стран. При малейших благоприятных условиях, этот процесс должен только отражаться, но и прямо распространяться на другие страны, т. е. способствовать возникновению подобного же разрушительного процесса в них. А как известно, таких благоприятных условий имеется сейчас больше, чем надо.

"ВОЛНА"

Характерно, таким образом, что международная связанность ныне помогает не капиталистическому созиданию и восстановлению — процессу разрушения, но именно разрушению — процессу капитализма; что из слуги капитала она превращается в его палача; что не капиталистический мир обуздывает, удерживает подлостью разрушающую Россию, а наоборот — разрушающая Россия создала угрозу для капиталистического мира.

Несомненно, если бы в других странах процесс капитализма — пусть даже временно ослабленного войной и ее последствиями — оставалось по существу прочным и устойчивым, картина была бы совсем иная. Волны разрушения в России не производили бы, за ее пределами, никакого действия. И мы видели бы, например, как этот мощный мировой капиталистический, энергично оживая и пышно расцветая, не только победоносно сопротивляется разрушительным ветрам, но и оказывает успешное содействие ликвидации "русской разрухи" и восстановлению там "нормального" положения вещей.

В том-то, однако, и дело, что стоит только внимательно присмотреться ко всему, происходящему сейчас в европейских странах, как наше предположение о смертности нанесенного капитализму удара делает крупный шаг вперед. Мы убеждаемся в том, что и европейский капитализм основательнейшим образом подорван; что он, при всем желании, совершенно не в силах серьезно содействовать восстановлению капиталистического хозяйства в России; что он бесцельно сопротивляется разрушительным толчкам у себя; и что, следовательно, разрушение в России носит характер отнюдь не преходящего местного эпизода, но — определенной, характерной для целого исторического периода, стадии в развитии мировых событий. *)

*) Отметим сейчас же: именно здесь кроется, по нашему мнению, глубокая причина того, что большинство держится в России. Обычно даваемые на этот счет объяснения касаются лишь поверхности и потому недостаточны. Подробнее об этом — в своем месте.

Разумеется, выражение "смертельный удар" должно быть правильно понято. Конечно, мировой капитализм не сразу умрет. Он еще будет сопротивляться, и сопротивляться обстоит дело (тем более, что на этот раз дело обстоит далеко не просто: по характерным причинам, о которых мы поговорим особо, — вместе с современным капитализмом должен умереть весь огромный мир застарелых, тысячелетних представлений и навыков; а такой процесс не может быть моментальным, и на некоторые страны он будет распространяться лишь с известной постепенностью). Не раз еще капитализм будет одерживать верх. Не в непосредственной борьбе временный верх. Не раз еще он будет как раненый хищник, жестоко сечь и сам, в предсмертных судорогах, жестокие удары. Но — он не выживет, не оправится прочно, не овладеет снова положением, вот в чем суть нашего вывода. Начинается интенсивный процесс его разложения, физического умирания, агонии (когда все его движения и самые "победы" будут помогать ускорению его гибели). Это значит, что человечество решительно вступает в великую "критическую", по терминологии некоторых историков, эпоху: в эпоху стремительного разрушения всего старого (все "устойчивое" общественного быта, существующие со времени возникновения власти, собственности и государства, должны быть неизбежно увлечены современным капитализмом в его падении) и созидания нового; в эпоху не прекращающихся мировых — т. е. происходящих в разных местах, но отзывающихся всюду — сдвигов, сотрясаний, крушений и перемен. Это значит, что — отныне на более или менее длительное время — людская жизнь, непрерывно потрясаемая социальными бурями, непрерывно срываясь и скользя по осыпающейся, волнующейся почве, перестанет быть обычной — налаженной, устойчивой — жизнью людей. И что когда снова наступит устойчивость, — она будет уже совершенно иная: новые образования, новые формы человеческого сосуществования займут место отживших и исчезнувших.

Пойдем дальше.

Предыдущий вывод не только находит себе подтверждение, но и, с своей стороны, бросает определенный свет на все те разрушительные процессы и явления, какие мы наблюдаем в наше время в ряде других стран. Он помогает осмыслить эти явления.

В центре Европы — "умирающая Австрия", где хозяйственное разорение и разложение всего общественного организма немногим отстают от России... Рядом — еще недавно могучая Германия, охваченная безостановочным, неудержимым разрушительным процессом и все быстрее догоняющая Австрию... На юге — Италия, с ее хроническими и политическими судорогами, — показателями и предвестниками глубокого внутреннего распада... Тут же — "победоносная" Франция, с ее прогрессивно падающим хозяйством и другими, — хоть и не столь яркими, но не менее определенными, — признаками крушения, заставляющими французских рабочих твердо говорить о близости решительной социальной борьбы... На севере — Англия, начинающая, не в пример прошлому, нервничать и метаться в поисках выхода из надвигавшегося краха; Англия, организующая все эти бесчисленные и бессильные конференции, которые сменяют одна другую — в то самое время, когда на Балканах снова гремят пушки, когда снова завязывается "восточный узел", ежеминутно грозящий новой катастрофой, когда Индия бурлит восстаниями, когда "колонии" расплываются по швам, и в самой Англии нет внутреннего мира...

Вглядываясь, при свете русских событий, во все эти (и во многие другие) явления, мы приходим к заключению, что и в Австрии, и в Германии, и в Италии, и (менее ярко, менее интенсивно) во Франции и т. д. идет, по существу, совершенно тот же процесс всеобщего разрушения, каковой имеется в России. Перед разрушениями, каковой имеет жизненных устоев, та нами — то же крушение жизненных устоев, следовательно, — продолжение (медленное, подчас даже скрытое, но неуклонное) общего процесса крушения, принимающего все более меж-

"ВОЛНА"

дународный характер. Разница лишь в форме, признаках и, главным образом, в темпе разрушения. Как известно, процессы разрушения в природе, раз будучи подготовлены, могут развиваться двояко: или быстро, в виде взрыва, или же медленным путем. То же мы наблюдаем в социальной жизни. По причинам, которые будут впереди отгнаны подробнее, — тогда как в России разрушительный процесс носил мгновенный, вихревой характер, в других странах он протекает сравнительно медленно, будучи вынужден преодолевать гораздо более сильное и упорное сопротивление.

Несомненно, некоторые страны будут вытесняться в этот процесс теперь же, но с большей постепенностью. Иные — присоединятся к процессу хоть и не так скоро, но сразу.

Сущность дела от всех этих различий не меняется: общее разрушение отжившего мира разворачивается на наших глазах в интернациональном масштабе.

Все вышесказанное приводит нас — уже логически — к дальнейшему заключению.

Мы можем, с громадной долей вероятности, утверждать, что вступили в эпоху уничтожающей социальной революции: в эпоху уничтожающей ломки всей нынешней общественности; в эпоху решительной и непосредственной — тяжелой, но последней — борьбы между миром покоя, по последней — борьбой между миром нарождающимся и миром отжившим; в эпоху великих потрясений, исканий, опытов и — великих ошибок, которые приведут, наконец, к великой истине и к великой работе по созданию мира истинной и к великой работе по созданию новой общественности, нового труда, новой культуры, нового быта, нового человечества...

Определеннее, чем когда-либо прежде, мы считаем социальную революцию длительным разрушительно-созидательным процессом, развертывающимся медленно, но неумолимо, протекающим то бурно и открыто, то сдержанно и глухо, и охватывающим постепенно все страны.

Мы полагаем, что находимся сейчас в начале первой стихийно-разрушительной — стадии этого громадного процесса, и что русская революция послужила как-бы прологом к этому

"ВОЛНА"

первому акту трагедии.

Мы не знаем, конечно, сколько времени продлится этот акт. Но мы более или менее уверены в том, что начавшееся стихийное разрушение не может быть впредь никакими силами и средствами остановлено; что оно будет развиваться далее, вглубь и вширь, принимая все более интернациональный характер, — до тех пор, пока не превратит весь старый

мир, со всеми его "устоями", навыками, отношениями, понятиями, иллюзиями и заблуждениями, в груды развалин и не даст место началу нового — сознательного и творческого процесса.

Октябрь 1922.

P. S. — Дальнейшие выводы из анализа разрушительного процесса — в следующем номере.

ПРОТИВ ГОТОВЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ.

Обращение анархистов и синдикалистов к трудящимся всех стран.

Братья трудящиеся! Русская коммунистическая партия, утвердившая свое господство в стране путем неслыханного террора, истребляющая в массовом масштабе по сей день анархистов и революционных синдикалистов, домогается всеми способами заподличить в свои руки Нестора Махно — героического вождя революционного рабоче-крестьянского повстанчества на Украине, — чтобы тем или иным путем убить его.

В 1921 г. Нестор Махно, окруженный многочисленными советскими войсками, вынужден был перебраться на румынскую сторону, где был интернирован и заключен в лагерь. В течение долгого времени советская власть требовала от румынского правительства его выдачи и, быть может, добилась бы этого, если бы весной 1922 года Махно не бежал из Румынии. Однако, на территории Польши он был задержан польскими властями, которые также заключили его в лагерь и намеревались судить за участие в русской революции. Все время пребывания в руках польских властей тов. Махно находился под угрозой быть выданным русскому правительству. Газеты последнего времени сообщают, что из лагеря Махно переведен в Варшавскую крепость. Это говорит за то, что русское и польское

правительства пришли между собой к какому то соглашению относительно Махно: его могут — или засудить и умертвить в Варшаве польские власти, или же для этой цели его могут передать русскому правительству.

Таким образом, реальная и серьезная опасность повисла над жизнью этого выдающегося революционера, вышедшего из глубин трудового подпольного люда. Рабочие всех стран должны поспешить ему на помощь, должны сделать все возможное, чтобы не допустить подготовляемого русским и польским правительствами преступления.

Русская революция с первых дней своего развития, явилась предметом горячих надежд и упований всего трудового угнетенного человечества. Могучий октябрьский переворот, разбивший, было, самые устои капитализма в России, казался всем поработенным началом мировой социальной революции трудящихся. Поэтому мы духовно и организационно, всегда были с русской революцией, отбивая всякую атаку направленную на нее местной буржуазией и буржуазными политическими партиями.

Однако захватившая в революционной России власть коммунистическая партия, во имя

своей диктатуры, пожелала истребительную войну против всех политических и социальных течений в революции, не подчинившихся ее программе, ее воле. При этом, преследуя правые политические течения, она еще с большим ожесточением и беспощадностью обрушилась на движение рабочих и крестьян, отстаивающее идею независимости и общественно трудового самоуправления рабочих классов, — на анархистов, революционных синдикалистов и других. Факт чудовищный, но он на лицо: коммунистическая власть, называющая себя рабоче-крестьянской властью, беспощадно уничтожает лучших борцов пролетариата и одновременно — широкие беспартийные рабоче-крестьянские массы, поднимающие голоса протеста против погрома их прав властью.

Такая реакция в революции не могла прийти, не вызвав активного сопротивления со стороны трудящихся. Народ, совершивший великую революцию неминуемо должен был вступить в борьбу со всеми силами, покушавшимися на его революционные завоевания и права. На Украине эта борьба вылилась в форму революционного повстания крестьян и рабочих. Это великое историческое движение боролось не только с диктатурой большевиков, но также в одинаковой мере с диктатурой других партий — монархических и демократических.

Основной целью этого движения было — об-
ратить всю землю, средства и орудия произво-
дства в общее достояние трудящихся и организо-
вать общественно — хозяйственную жизнь на
принципе рабоче крестьянского самоуправления.
Столкнувшись с организованным врагом в лице
контр-революционных армий царских генералов
и коммунистической диктатуры, движение для бо-
рьбы с ними, создало свою революционную, пое-
троенную на принципе добровольчества армию, ко-
торая в течение четырех лет вела геическую
борьбу на многочисленных фронтах, стремясь
отстоять от покушений революционную террито-
рию и революционные права трудящихся.

Нестор Махно *) сын беднейших беззе-

*) см. статью "Нестор

*) Более подробно о нем см статьи "Нестор

мельных крестьян, анархист по убеждениям, отбывавший за революцию 1905-07 гг. 6-летнюю каторгу, явился одним из первых и активнейших деятелей народного революционного повстанчества на Украине, став затем одним из главных руководителей этого движения.

Дадим сваткую сводку роли революционного
повстанчества в русской революции.

Весной 1918 года, согласно Брест-Литовского договора большевиков с германским империалистическим правительством, Урану оккупировали австро-германские войска. Эти оккупационные войска помогли помещикам и генералам установить в стране монархический режим в лице гетмана Скоропадского, Рабочие и крестьяне Украины были отданы во власть этого режима. Подняв против него восстание, они сами выбрали руководителя — гетмана Скоропадского, свергли этот режим, разбили оккупационные войска и дали свободный выход русскому народу к его дальнейшему развитию. Армия повстанцев — махновцев, руководимая Нестором Махно, являлась при этом центром народного восстания и нанесла смертельный удар оккупационным войскам и режиму гетмана Скоропадского.

Сейчас же после свержения Скоропадщины на Украине, со стороны Кавказа, надвигается новая контр-революция, возглавляемая генералом Деникиным. Армия повстанцев — махновцы задержала ее в районе Таганрога (побережье Азовского моря), поставив там фронт против махновцев. В течение последних месяцев — с ноября 1918

В течение семи месяцев — с ноября 1918 г. по июнь 1919 г. — повстанческая армия совершила колоссальный напор этой контр-революции, пока преступная политика Троцкого не могла Денишину опрокинуть повстанческую армию и вернуться вглубь страны: — будучи в силах подчинить революционный район власти партии, Троцкий 4-го июня 1919 г. объявил все повстанческое движение и Нестора Махно вне закона, заявив при этом, что он предлагает отдать Украину Денишину, нежелая допустить развиваться в ней махновщину.

Махно" и "Махновщина и антисемитизм".

Под напором армий Деникина и Троцкого, Махно вынужден был отступить на запад, к границам Галиции. Но после, когда Деникин пошел в Орлу, угрожая занять Москву, Махно, отступив, революционные силы, нанес ему скользящий удар на юге Украины: он перебил его тыловые части, захватил главную артиллерийскую базу в районе Валыицака — Мариупольскую базу в районе Валыицака — Мариуполь и отрезал годовую армию от снабжения и точек опоры. Всем этим была погублена контр-революционная кампания Деникина. Последний отступая из Великогеросин попал в пылающий костер украинского повстанчества, в котором сгорело большинство его воинских частей. В ликвидацию Врангеля Махно сыграл такую крупную роль.

на крупную роль.

В течение всего 1920 г. он находился вместе с другими войсками в Врангеле и с большевиками. Летом 1920 г. красная армия начала широким фронтом отступать, сдавая Украину десяти губерниям Врангеля. Последний занял тогда: Мелитополь, Александровск, Синельниково, Бердянск и другие, угрожая захватить весь до Волги бассейн. В сентябре 1920 г. советская армия, в целях разгрома Врангеля, вступила в военное политическое соглашение с Махно, обязав на себя обязательство удовлетворить все минимальные требования: — а) освободить от турецкой России всех махновцев; — б) предоставить им право свободно исповедовать и распространять свои идеи, — в) признать право создания органами местного общественного-экономического их самоуправления. Исполнив соглашение, махновские части вместе со своими силами пошли на Врангеля, очистили Украину, и первыми ворвались в г. Харьков, перейдя пролив Сиваш и зайдя в Перекоп.

Борась с вратами революции на военных
фронтах, маховина заботилась о том, чтобы
внутри революционного района жизнь строилась
на принципах независимости и самоуправления
трудящихся. Это видно и из текста военно-поли-
тического договора, три пункта которого приве-
дены выше, подписанного в октябре 1920 г.

в Харькове со стороны махновцев — Поповым и Куриленко, а со стороны советвласти — Бе- ла-Куном, С. Гусевым, Я. Яковлевым и Фрунзе, — теперешним заместителем Раковского. Комму- нистическая власть, как и всякая власть, вражде- бная по своей природе началу свободы и не- зависимости трудящихся, выраженному в махно- вщине, не могла, конечно, долго держать союз с этим движением. И как только опасность со стороны Врангеля миновала, она изменнически напала на махновцев, стремясь убить это дви- жение силою своих многочисленных армий.

Махновщина и большевизм — это два антипода. Первая стремится к полному самоуправлению трудящихся; второй — к диктатуре над ними. Гнусной, подлой клеветой является утверждение советвласти о бандитском и погромном характере махновщины. Махновская армия является единственной в мире, непричастной ни к каким антиеврейским актам, несправедливости к евреям. Наоборот, — с революционной честью и решительностью она всегда их сурово преследовала.

Сейчас, когда великое революционное движение русских тружеников временно разбито армией советласти, последняя прилагает все усилия к тому, чтобы добиться головы Нестора Махно, являющегося выдающимся руководителем революционного по станчества. Она не может быть спокойна, пока этот необыкновенный человек, вышедший из народа, жив и одним своим именем волнуется и поддерживает революционное население в народе.

Братья трудящиеся! Помешаем осуществи-
 ть презренному замыслу русского и польско-
 го правительства. Подымаем голос протеста про-
 тив готовящегося убийства тов. Махно и проти-
 убийств других революционеров.

Пусть каждый рабочий союз, каждая фабрика — вынесут свое требование немедленного освобождения Махно из заключения.

В каждой стране, где есть польские и советские посольства, революционные рабочие должны подвергнуть последние тому или иному революционному воздействию.

Да здравствует солидарность и сплочен-

удовольствиях и о наживе денег с наименьшей затратой. И это утверждаю не я один. Профессор Рюнесен в статье "Гражданский прогресс" констатирует тоже, что "профессиональная совесть ужасно низко пала со времени войны". И это во всех классах общества, как у рабочего

так и у буржуа, занимающегося физическим трудом, так же как у принадлежащего к так называемой свободной профессии. Крестьянин продает нам свои продукты на вес золота, подражая в конце концов коммерсантам и всей сети посредников. Не знаю по какой причине общественные власти поощряют эту погоню за наживой. Наверное, в надежде, что эта деморализация будет более гармонировать с ними. Почему среди этой беззащитности рабочий сохранит свою совесть? Да разве уж перед войной не было правилом в некоторых корпорациях предписывать своим товарищам медленно работать и наказывать тех, кто работал слишком быстро? Это считалось честным. Возможно! И когда привыкнешь ничего не делать трудно полюбить работу, даже если условия будут улучшены. Это несколько не содействует подготовке пути к братскому обществу.

"Если народ еще не опрокинул буржуазное общество", говорит нам Садье, "это потому, что его слишком уверили, что он не готов для этого, что он должен сначала набить мозги кучей философских систем и знаниями, которые ему совершенно необязательны". Здесь опять тов. Садье уличен своей фантазией.

Кто — за исключением нескольких помешанных на чтении, которого они не могли внушить себе уяснить — кто когда-нибудь проповедовал, что, для того чтобы иметь возможность освободиться, люди должны наполнить свой мозг философскими системами и отвлеченными знаниями? И что еще сказать?

Мы сказали, и с своей стороны я подтверждаю, что люди должны быть знакомы с явлениями, которые их окружают, что существуют некоторые знания, которыми должны обладать каждый, если он хочет правильно рассуждать. Человек снабжен естественным разумом.

Можно ли переходить к установлению общества, основанного на справедливости, свободе и доброй воле всех с людьми неспособными правильно рассуждать. Легко приводить где то рассуждение такого невежды, который на вопрос, что хорошо и что дурно, — отвечает, что "хорошо, когда он берет жену у другого, а плохо, когда другой берет жену у него".

Как многочисленны еще в нашей цивилизации рассуждающие как этот невежда. Хорошо, справедливо по их мнению то, что им приятно и они не задумываются над вопросами, что может быть то, что доставляет им удовольствие, неприятно другим. Наоборот, дурно по их мнению то, что стесняет их прихоти, даже если это вызывается общественной необходимостью.

Для того чтобы разрешить социальные проблемы, необходимо их изучить; для того чтобы установить общество справедливости, необходимо понять, что справедливость не ограничивается нашей личностью.

Но как тов. Садье мог дойти до твердого убеждения, что эта пропаганда могла остановить народ от совершения революции? Боже мой, если мы проповедовали, что для того чтобы суметь завоевать себе свободу, люди должны стать менее невежественными, то напротив, другие требовали немедленной революции. Даже крайние готовы в настоящее время для этого воспользоваться движением синдикалистов и революционеров.

И как нас стараются унизить, называя нас обольстителями и "ограниченными" (!) под предлогом, что народ не может терять времени, из-за того, что превратится общество в 2000 году, что надо проповедовать о революции, что необходимо развивать дух восстания. Революция! Только об этом и говорят. Как только революция будет совершена, человечество сразу узнает, что ему надо делать дальше! На практике же, кажется, что в такую демагогию попал

движение анархистов? Все эти воззвания, которые были гораздо многочисленнее наших бедных проповедей, не более содействовали революции, чем наша пропаганда ей препятствовала. События шли своим чередом. Началась война и создавалось революционное положение, которое не представится может быть так скоро, оно прошло и не только народ, но и революционеры пропустили этот момент.

Синдикалисты-революционеры и социалисты не менее революционные — анархисты по недостатку сплоченности не принимались в расчет — стали благодаря обстоятельствам силой, потому что правительство считало себя обязанным просить их содействия и они могли воспользоваться этим моментом, чтобы требовать некоторых облегчений для населения, по этому, как народ становился менее невежественным, ему постепенно удавалось завоевывать некоторые учреждения. Если народ не делает революции, это потому, что в настоящее время за исключением потребностей наслаждаться, нет никаких стремлений и идеалов, никакого зарождения лучшего общества. Его единственная забота в настоящий момент получить все удовольствия, какие только можно, с наименьшей затратой сил. Разумеется, это его право. Возможно. Но во всяком случае мы далеки от общества основанного на работе для всех.

Садье прибавляет: "Буржуазия знает и однако не делает ничего, чтобы ослабить кризис. Потому что," прибавляет он, "она не имеет никаких нравственных качеств".

Разумеется. Но как раз этих нравственных качеств в настоящее время не достает во всех классах общества, даже у тех, которых Садье неограниченно оделяет добродетелями, которые не хватает у других. И если буржуазия не делает ничего, чтобы предотвратить переворот, который она вызвала, если она остается совершенно безучастной к тем, которых она эксплуатирует, это оттого, что она знает, что она сумеет воспользоваться революцией, которую она вызвала, сумеет освободить себя, как это и случи-

лось уже прежде. Значит "знание" приносит какую-нибудь пользу его обладателю.

И если "народ" не умел пользоваться революциями, которые он совершал, это потому, что он не имел никаких знаний!

Происходили революции в Германии, Австрии — и что из этого выходило? Революционеры оставались победителями всего несколько часов, так как не могли помешать буржуазному обществу продолжать прежнюю политику. Так как революционеры не знали, как надо действовать, не могли этому научить народ, победа оказалась бесплодной, и не оправдала никаких ожиданий. И старая организация продолжала существовать, так как новую никто не умел создать. Умели только менять людей стоящих у власти, в то время как необходимо было изменить сущность управления. Обладая знаниями захватывали власть и опять начиналась эксплуатация, так как "народ" не умел бороться тем же оружием — то есть знанием.

В России группа революционеров сумела удержаться у власти, сделала попытку сломать старые формы, но в результате лишь усилила систему террора и абсолютизм царского правительства, увеличила уже и так слишком многочисленную бюрократию; ее реформы потерпели фиаско и она потихоньку вернулась к буржуазному режиму, и рабочие из всей этой революции не приобрели никаких выгод. Это потому, что здесь опять вместо чтобы быть готовыми к изменению системы управления, как только революция произошла, сумели только переменить членов правительства. Это может привести лишь к банкротству. Нет, мы не готовы к революции и — я знаю, что я приведу в негодование многих из наших товарищей — но я прибавлю даже, что в настоящих обстоятельствах революция даже не желательна. Она может только привести к большим бедствиям — и отречению от наших идей и послужит предлогом к реакции.

Мы не имеем никакого представления о том, каким должно быть общество, которое заменит предназначенное к разрушению, мы не имеем никакой организации, чтобы поставить на место буржуазной. Революция совершенная в таких

условиях может повести только к лишнему поражению.

Еще более я не могу понять выходку Садье насчет "идеала" — это просто набор слов! — Идеал — это ведь желание осуществить нечто лучшее. Мы же все стремимся к лучшему. И Садье как и все. Когда нам обещают, что мы будем видеть осуществление нашего идеала лишь после смерти, в другом мире — я понимаю, что этот идеал должно оспаривать, но когда говорят люди, что от них только зависит его осуществление в этом мире, при жизни, если они лишь сумеют потребовать — тут я уже перестаю понимать.

Правда, мы говорим, что осуществление идеала может произойти, если люди сумеют к этому подготовиться, в то время как Садье уверяет, что по его мнению идеал можно осуществить в один день, и его общество будет такое же идеальное, как и наше. Он согласится с нами, если хорошенько поразмыслить над этим вопросом. Но худшее заблуждение Садье — и к несчастью он — не единственный анархист разсуждающий таким образом — верить, что можно организовать свободное общество, установив в нем власть.

"Необходимо" говорит он, "принудить лентяев работать!" Значит, по его мнению, надо установить полицию, чтобы разыскивать этих лентяев, судей, чтобы их осуждать, и тюремщиков, чтобы за ними следить. Кого еще прибавить?

Как друг Садье не видит, что он этим опровергает самым огульным образом свое же утверждение, что народ уже созрел для своего идеала?

Если лентяи до того многочисленны, что бы быть преградой обществу на пути преобразований, значит люди не так готовы к ним, как он хочет этому верить, а что им еще необходимо развиваться. О, я знаю ответ: "Если мы будем ждать, чтобы все стало необходимостью, революция не совершится никогда".

Когда происходили наши политические революции, и даже революция, которая привела к

"ВОЛНА"

большим социальным переменам, как революция 89 года, то они имели успех, хотя не все население было проникнуто новыми идеями.

Но недовольство существовавшим порядком было довольно общим, чтобы население в своем целом наблюдало над его разрушением, и ничего не предпринимало, чтобы этому пошло. После того, разного рода новые идеи проникли в массу и население чувствовало, что должны произойти важные события. Одним словом, создалась такая атмосфера в стране, когда можно было производить перемены, не имея население настроенным против себя, если оно еще не могло быть заодно.

Для социальной революции, которую мы предвидим, надо создать моральную атмосферу, когда усталые от существующего порядка люди будут готовы принять все перемены, если они только принесут им некоторые улучшения и облегчения.

Но необходимо, чтобы эти перемены привели к лучшему положению, иначе население будет против них. Так, попытки сделанные до сих пор, скорее отягощали, чем облегчали положение. Отсюда, — их поражение.

Когда произошла революция 18-го марта, я был еще молодым, но уже успел заразиться революционными идеями и очень интересовался революционными событиями. Многие из них сохранились в моей памяти особенно ярко.

Сначала революция совершалась без сопротивления со стороны народа, так как всем внушили отвращение образ действий правительства. Даже те, которые не были заодно с революцией, ничего не предпринимали, чтобы заперами, ничего не рушилось само собой. Все ждали начала новой работы. Я был капитаном Национальной Гвардии, я был капитаном на корабле для этого, но я следовал за мной отцом на сборный пункт батальонов, которые в первые дни после 18-го марта собирались каждый вечер на площади Пантеон. Я тогда заметил, что почти все шли на сборный пункт. Роты были в полном составе. Рабочие, лавочники и другие, были на лице. И здесь ожидали приказаний. Многие всех было, что надо идти на Версаль, чтобы

"ВОЛНА"

помешать злему духу, руководимому реакцией, которая организовала армию. "Надо идти на Версаль! Идем на Версаль!" Таково было единственное мнение. Ждали приказаний, но они не приходили. То, что видели простые коммунары, не пошла Центральная Комитет, военные начальники Коммуны так же как и члены Коммуны и пропустили благоприятное время.

Из этого события я вывел два заключения: когда знают, что хотят, никогда не надо ждать приказа властей, но идти вперед на свой риск и страх. Если бы в эту эпоху какой-нибудь решительный человек сумел бы повести за собой людей, куда они сами стремились, история могла бы быть иной.

После этого люди устали бесцельно беспорядиться и стали не так охотно приходить на сборный пункт. С другой стороны Коммуна не сделала никаких изменений в привлечении, в социальном аппарате, переменяла только состав чиновников, и вместо того чтобы действовать сообща, говорила речи и предписывала законы. Добрая воля людей, которая ее приняла, стала изменяться. Мелкие коммерсанты, которые на время забыли свои жалкие счета, снова стали бояться перемены, реакция подняла свою голову и многие из тех, которые шли вместе с революционерами, стали нейтральными, ожидая только падения Коммуны чтобы топтать ее ногами.

Если брать на себя такую ответственность, то нельзя забывать, что новое общество должно на первых же порах принести улучшение в положение масс, иначе оно будет осуждено к смерти. Это добро, которое оно принесет с собой, поможет победить, но не насилие и власть.

Я возвращаюсь к примеру России. Там говорят, установили работу для всех. Это — ложь. Работа производственная, как и в обществе буржуазном, ввержена на одну часть населения, которая ее совершает под железной дисциплиной. Но чтобы поддерживать такой режим, пришлось поставить на ноги значительную армию. Царский режим имел полицию — настоящий бич, который беспощадно и преследовала население таким образом; Советы имеют Че—Ка, кото

рая, кажется, ни в чем — ни в произволе, ни в средствах террора — не уступает царской полиции. Нечего и добавлять, что она также многочисленна. Что касается бюрократии, то она такая же рутинная, мелочная, стеснительная, как и ее предшественница. И она также увеличила свои щупальца. Итак, зачем тогда совершать революцию?

Да, я забыл еще кое что сказать. Советы стали распределять продукты населению по порции — были принуждены это делать. Ничего тут не скажешь, — и буржуазии назначили по полторы селедки, в то время, как рабочие получали по три... Вот что привело в восхищение наших крайних и большинство наших товарищей. Наконец то буржуазия узнает, что значит голод! Вот что оправдывает все.

Но это только обман зрения, потому что деньги сохранили некоторую ценность и буржуазия имеющая сбережения, может достать то, что ей не хватает, в то время как рабочие принуждены довольствоваться селедками.

Власть пришедшая снизу не более почтенна, чем власть пришедшая сверху. Иногда она еще и хуже. И если духом мести должны проникнуться новые общественные отношения, то это объясняется бессознательностью. Среди тех, которые составляют так называемую буржуазию, находятся люди большой ценности, работа которых хотя и специальная не менее полезна и необходима человечеству. Общее правило: это те, которые больше всех страдают, не имея сил, чтобы ослабить режим, которому им приходится подчиняться. Я жалею тех, которые считают гонение на этих лиц прогрессом современного общества. Что бы ни говорил, что бы ни думал товарищ Садье, те люди, по крайней мере, которые называют себя революционерами должны "знать" в чем заключается революция, иметь представление о будущей общественной организации и составить между собой целый ряд группировок, способных заменить с самого начала революции буржуазную экономическую организацию.

Эти группировки в согласии между собой сумеют доставить своим единомышленникам все,

В чем те будут нуждаться. Группировки и со-
гласие между ними сделает ненужным всякий
вид власти.

— Но если люди захотят жить изолированными? Как им угодно. Тут еще не надо забывать о дряхлых и больных, но их будет меньшинство, и так как они сами не будут в состоянии добывать себе все необходимое, им придется присоединиться к существующим группировкам.

Что касается лентяев, если это может случиться, что кто-нибудь откажется от всякой работы, я говорю и повторяю, что это может быть только больной и его полезнее будет лечить, чем заставлять работать. Но я не хочу этим сказать, что их надо кормить дичью и шампанским —но будет выгоднее их кормить, чем понуждать работать, потому что принудительная работа менее всего продуктивна.

Прежде всего выясним, кто такой лентяй?

ЗАКОННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И АНАРХИЯ.

Элизе Реклю.
(С французского С. Э.)

Друзья, слово "анархия" вас пугает. Слово "анархия", говорите вы, часто заставляет людей с самыми возвышенными намерениями воздержаться от присоединения к нашим рядам. Поражая присвоенные этого грозного названия, вы вместе с этим ставите нам в упрек нашу полную отчужденность от государства: путь законной эволюции вам кажется более верным. Революционный социализм вызывает в вас страх, может привести к диктаторскому правлению.

полную отчужденность. Революционный социализм вызывает в нас конной эволюции вам кажется больше, чем вы можете себе представить. В то же время вы возлагаете много надежд на ассоциацию и считаете, что это движение единственно и сможет в будущем замещать капиталистический строй. Вы предвидите мир между народом и буржуазией и в своих сновидениях вы заранее предопределяете день празднования этого великого праздника перемирия, прикрепив его, понятно, к 14 июля, ко дню

"В О Л Н А"

Большой или человек, который не знает, как не умеет найти применение своим способностям. Но в обществе, к которому мы стремимся, будут все облегчения, чтобы каждый мог сделать своим склонностям. Именно благодаря упразднению многих бесполезных работ, которые теперь совершаются, здоровым применением естественных сил и употреблением механических инструментов и распределением всей работы между всеми людьми — благодаря всему этому производство станет достаточно таго, чтобы каждый мог пользоваться его плодами в свое удовольствие, без того чтобы приходилось высчитывать, кто больше, а кто меньше поработал. Когда говорят о будущем обществе, никак не могут кому мысленно отделиться от современного. А чтобы знать, как это сделать, надо непременно уметь отдавать себе отчет в том, что будет представлять собой общество будущего.

“ВОЛНА”

вой чертой которого является это пугало — slo-
ва. И если после этого все же найдутся люди
настаивающие им, то все наши усилия предупре-
дить это будут напрасны, ибо могут ли люди,
стоящие перед звуком, иметь достаточно сме-
лости, а главное свободу духа, необходимую для
высвобождения самого звука? Они останутся при сво-
их предразсудках, при своей рутине, при сво-
их заветах и в дальнейшем будут вздыхать о
"социальной гильде" в терминах официального
заговора. Современное общество, дошедшее, так
сказать, к границе между двумя мирами, полно
самых глубоких противоречий: здесь действитель-
но произвольно царствует "анархия" в прида-
ваемом ей обыкновенно смысле.

О т р е ч е н и е .

Посетите высшую школу — профессор говорит здесь о Декарте и рассказывает нам о том как этот великий философ приступил к отрешению от всех предвззудков, от всех принятых идей, от всех изжитых систем; он его наделяет силой поразительного интеллекта; он повествует нам, что в тот знаменательный момент, когда этот философ произнес свою отважную речь об абсолютном отрицании, эманипация человеческой мысли была прокламирована. Но у того же профессора вызовут лишь восклицания ужаса и те, кто ринется последовать примеру его героя. Подобно Декарту, который был одним из первых, осмелившихся назвать себя атомистом, он отказывается от королей и всяких институтов, разрушающих человеческое общество; мы порываем с традиционным послушанием, которое мысли господ тысячелетиями вбивало в голову рабов. Однако, мы не во всем последуем Декарту: если после отречения от бога, он не поспешил покончить и с его светской и духовной свирепости, если он не догадался пройти в обратном направлении весь намеченный им путь, то это остается нам довершить. Ни принципы, ни республика его не согласилась предоставить ему убежище — а мы его навсегда оставили проклятым.

Несмотря на все это...

Несмотря на все преследования и проклятия, которые сыплются на нас повсеместно, мы, анархисты, не думаем пойти на уступки с

Н А**

государством, престиж которого нами подорван. Впрочем, вы сами признаете, что общественное здание в том виде, в каком оно существует сейчас, слишком безобразно и мы, поэтому, стремимся к его полному уничтожению. Нам ненавистны короли, помазанные божьей милостью; висты короли, помазанные волею народа; правомочные их министры, ответственные или неотвественные их министры, законодательства, утвержденные принцем или стадом избирателей; магистраты продающие тому, кто предлагает высшую цену то, что они называют правосудием; проповедники репрезентирующие бога на земле и обещающие место в раю тем, кто становится их рабом на земле; те невежьи-воины, которые требуют слепое послушание, абсолютное отречение от разума и личной морали от всех, имевших несчастье ступить по следам их батальонов; все хозяева и соотвенники, располагающие работой, а следовательно и жизнью неисчислимой массы униженных и оскорбленных. Нам также ненавистны все религиозные и юридические лжеморальные предписания, имеющие своей целью развитие и укрепление духа рабства в нас. Достаточно этой страшной рутины, являющейся худшим злом всех государств!

Рабочие ассоциации.

Но меньше всего возможно будет рабочим ассоциациям переустраивать современное общество тихо, спокойно, как бы под сурдинку. Анархисты, конечно, больше чем кто либо иной считают ся с ассоциациями, так как они главным образом стремятся к свободному средству свободных людей. Но они не думают, чтобы рабочие кооперативные ассоциации смогли произвести серьезный переворот в обществе. Попытки сделанные в этом направлении могут служить полезным уроком и мы, право, можем поздравить себя в своей дальновидности.

Общество представляет собою известное единство, которое нам не удается видоизменить. Если мы предварительную свою работу не начинаем с самых мелких основных частей его. Выраживание новой жизни из этого фатального организма, не коснувшись капитала и оставив

нетронутым бесконечные привилегии, составляющие суть государства, так же мыслимо, как прорастание розы на ядовитом молочае.

История рабочих ассоциаций уже довольно об'емиста и мы знаем, что в подобных случаях удача гораздо опаснее поражения. Неудача всегда является поучительным уроком и дает возможность пережившим ее снова, обогатившись опытом, кинуться в великий поток революции. Но успех уже действительно фатален. Успешная артель, зарабатывающая деньги и становящаяся собственницей, сообразуется фатально с капиталистическими условиями и становится буржуазной в тесном смысле слова: учитывает векселя, преследует должников при содействии людей и закона; помещает свои ценности в банк и спекулирует общественными фондами; собирает капитал и расценивает его эксплуатацией бедных. Обогатившись они присоединяются к великой братии привилегированных и являются лишь финансовой кампанией, обязанной укрываться от тех, единственной собственностью которой являются их руки.

Совершенно отделившись от масс, она становится наростом на общественном организме и постепенно выкристаллизовывается в государство; она не только не содействует революции, но даже сильно преследует ее... Все, что при зарождении ассоциации придавало ей силу и жизнеспособность, постепенно отмирает в ней; несмотря на то, что постепенно желая ее членов, ассоциация постепенно приближается к лагерю врагов и впоследствии проявляет себя как союз изменников. Ах, друзья, ничто так не развращает, как успех. И если наш триумф, может принять такое направление, лучше терпеть поражение чем успех.

Мелкая буржуазия.

Глубокой иллюзией также является допущение возможности возрождения общества при содействии буржуазии, или, правильнее говоря, мелкой буржуазии, непосредственные интересы которой совпадают с интересами рабочих. Мы не станем опираться на единичные касты и в особенности на ту, которая мнит себя рожден-

"ВОЛНА"

ной для привилегий и соединяет в себе, естественно, предрассудки и страсти. Бесконечно мелкая буржуазия, как люди вообще, будет иметь ту пользу, что освободится от привилегий, постоянно преследующего ее. Она выйдет в новом обществе то, что для нее является недостижимым сейчас: все условия необходимые для полного и свободного развития всех своих способностей. Но нельзя упустить из виду, что презрение к физическому труду является одной из основных причин деморализации, которая, естественно, отсутствует среди рабочих и крестьян, содержащих себя работой своих рук. Благодаря своему воспитанию буржуа — мелкий или крупный — считает унижением для себя обучаться ремеслу; его естественным идеалом является сохранение своих белых ручек от занятия черной работой; он является рабом своего черного костюма, своих правил внешнего приличия квалитизирующих его господином. Нет тех унижений, которым он не подверг бы себя для сохранения своей касты; нет тех мучительных оскорблений, которых он не перенес бы для завоевания милости и симпатии тех, которые могли бы дать ему право причисления к привилегированным и правящим. Родители, наставники и друзья постоянно твердят ему об этом, как о цели единственно достойной его амбиции. Трудно себе представить какому унижению и формальному глумлению должен подвергнуться сверххитрый служащий пред тем, как его причислят к сонму мандаринов (такое новшество в Китае). Раз прорвавшись через узкую шпильную машину, в которую он должен проскользнуть, он лишается позвоночного столба: он уже не человек и уж больше ничего ожидать от него. Перебежчики от буржуазии будут приходить к нам, мы их ждем. Но мы считаем невозможным, чтобы буржуазия, как таковая, в один прекрасный день пришла нам на помощь.

Мы своего рода "интеллиговщины": по нашему мнению касты со своими традиционными и законными неравенствами должны исчезнуть совместно с государством, миниатюрой которого они являются. И ничуть не политическими силами, частичными начинаниями, попытками и

"ВОЛНА"

частичному улучшению думаем мы ускорить приход революции. Лучше взять непосредственное направление к цели, чем следовать обходными дорогами, в результате чего мы обыкновенно теряем свой объект из виду. Оставаясь искренними анархистами, врагами государства во всякой его форме, у нас то преимущество, что никого, а главное самих себя, не обманем. Под предлогом реализации одной части нашей программы в ущерб другой, мы однако никогда не допустим компромисса в смысле обращения к власти. Мы называем себя таким образом от тех отречений, которые так глубоко волнуют народную совесть. Ибо, если бы мы решились даже под каким нибудь предлогом поддерживать кадры государства, такие скандалы были бы неизбежны. С тех пор, как революционер вошел в государственную конуру, он перестает быть революционером, а становится реакционером. Это явление следует с фатальной неизбежностью: из защитника угнетенных — он становится угнетателем; вызвав раньше брожение в народе — он сейчас усмиряет его. Нет никакой надобности называть имена: история кричит о них. Но как возможно было бы иначе? Ведь место определяет человека; машина в целом дает различные функции колесам, а те уже принуждены приравливать к нам. "Интересы правящих всегда и абсолютно противоположны интересам управляемых" правильно указал известный дипломат Роберт Ванколь.

Ни начальников, ни государства.

Если мы до конца хотим оставаться верными своим заданиям, а также цели угнетенных и оскорбленных, мы никогда не должны оставлять своих рядов. Ни под каким видом мы не должны отделяться от своих товарищей, даже под предлогом непосредственной их пользы. Наши объединения всегда должны быть самопроизвольными, наша дисциплина — всегда добровольной. Пусть всякий честный человек откажется от всего того, что связано с титулом, властью ставшей его выше других и делающей его безответственным и тогда никакие подразделения

не будут иметь место в революционном лагере, и народ больше не станет выдвигать начальников, чтобы быть притесняемым ими. Мелкие же люди, нуждающиеся в господине, пусть сами подыскивают его себе; еще долго, увы, в них недостатка не будет: их достаточно в государстве и в религии.

Вы встретите миллионы людей, которые важным тоном говорят: "если бы все были таковы как я, то государство было бы излишне; но оно необходимо народу. Точно также я обошелся бы без религии, но она необходима для женщин и детей". И в этом они хотят усмотреть оправдание государственной власти. Мы, однако, оценивая свободу для самих себя, в то же время признаем ценность ее и для других. Мы не имеем надобности в господине, но не берем себе никаких преимуществ перед другими. Чтобы ни говорили сторонники государства, мы знаем, что солидарность интересов и бесконечные преимущества свободной и коммунальной жизни являются достаточно сильным фактором, чтобы поддерживать социальный организм с той лишь разницей, что ход общественной жизни не будет нарушаться капризами правящих, кидających царями, как жалкими игрушками.

Наши враги.

Глубокой иллюзией, конечно, будет, если мы в своем энтузиазме станем ожидать моментальной эволюции людей в смысле и направлении анархизма. Мы знаем, что воспитанные на предрассудках и лжи люди долго терпеть еще будут иго рабства. Какова будет "кривая" по которой им придется подняться раньше, чем понять, что нужно и можно порвать цепи, мы не беремся судить. Но судя по современной ситуации еще большой переход предстоит. В то время, как священники и учителя в унисон затуманивают народное сознание, как короли, генералы, чиновники и полиция, капиталисты и предприниматели делают все возможное для порабощения народа, люди претендующие быть друзьями народа, предлагают ему свои услуги в роль правителей для создания прочной власти

и защиты интересов, освященных религией и совестью. Не видели ли мы, как, так называемый, республиканский парламент единодушно выразил благодарность "благородной армии" пришедшей спасти общество путем расстрела 35.000 пленных и удушения женщин и детей? Не видели ли мы, как другой парламент, тоже республиканский, проявил признаки мудрости и благородного политического направления, наполнив тюрьмы и каторги республиканцами и стремясь вне своей страны ко всемирной гегемонии?

Элементы будущего общества.

Что бы ни случилось и сколько лет, десятилетия или столетий нас не отделяло от грядущей революции, мы с неослабеваемым порывом станем продолжать начатую нами работу, изучая современную историю, но ни шагу к тому, что могло бы квалифицировать нас поворным именем "изменников своим убеждениям". Пусть мертвецы сами роют себе могилы; пусть власть имущие и стремятся к ней, хвалят свои панацеи (вселечебное лекарство) правительственных улучшений. Мы же направим все свои усилия к распространению элементов общественной свободы и общественного равенства, зачатки которых, хотя раздробленные и изолированные друг от друга — уже видны то там, то сям. Наша работа ничуть не призрачна: плоды ее, правда, еще незначительные уже проглядывают во всех областях жизни, подобно тому как в химическом растворе тысячи кристалликов появляются прежде, чем вся масса кристаллизуется. Если эта масса ассоциируется (атрикулируется)

Не является ли это (агрикультуры, которые сейчас зарождаются — (агрикультуры, индустриальные, торговые, научные, литературные и художественные) — лучшим доказательством КУЗНЕЦА.

ИЗ ПЕСНИ КУЗНЕЦА.
...тяжелый.

Сильнее бей, молот тяжелый.
Врезайся в баленый металл!
Ты выкуешь светлую Волю
Тому, кто жестоко страдал.

ством перелома, все больше и больше направляющего дух человека к коллективной работе? Не свидетельствует ли возрастающее пренебрежение к древним заветам религии и официальной морали об увеличивающемся и углубляющемся ужасении к человеческой личности? Число социальных грешников, живущих без начальства, который направлял бы их, без закона, который бы управлял ими, и связанных лишь чувством общего долга, взаимной привязанностью и уважением, — не растет ли со дня на день. А, наконец, между всеми недавно зародившимися движениями не преобладают ли наше совершенно новое будущее? Не надо даже хвалить Парижскую Коммуну, потому что мы являемся участниками ее. Но не указывают ли нам история, что в этом обширном указе совершенно новый общественный нарождается строй, в котором ни короли, ни священники, ни полицейские, ни предприниматели не были господами. А в России какое величественное зрелище представляют собою те молодые люди и героини, которые отказываются от высокопоставленных постов, богатств, неизмеримых и неисчислимых удовольствий научной и художественной работы с тем, чтобы пойти в народ, стать частью его, жить его жалкой жизнью, а впоследствии кончить свою карьеру в каторге или тюрьмах. Вот объединению всех этих раздробленных элементов мы должны посвятить свои силы.

Долгожданный день великого праздника придет, но он своей целью будет иметь не только празднование свободной федерации народов без королей; он также прославит объединение свободных людей, живущих нашего объединения оправдает предсказание нашего великого пророка Родель: "делай то, что хочешь!"

Сильнее, удар за ударом.
Мой молот любимый, стучи!
Когда же ты выкуешь счастье,
Тогда ты, — тогда замолчи...

Н. Атрахимович.

Апостол современного человечества — П.А. Кропоткин — придает кооперации не меньшее значение, чем П. Ж. Прудон. Кооперации для него, как и для Э.Ренля — "научная практика взаимопомощи" (1) этого, по мнению Кропоткина, главного фактора прогрессивной эволюции и основного положения анархизма.

Особенно существенно относится он к неформальной юридической кооперации — кооперации, присущей главным образом до-капиталистическим формам народного хозяйства, в частности артели. «Россия — говорит он, — представляет наилучшее поле изучения кооперации в безконечно разнообразных формах. В России кооперация, т. е. артель, выросла естественным образом; она унаследована от средних веков, и в то время, как формально образовавшемуся кооперативному обществу пришлось бы бороться с кучей законных затруднений и с подозрительностью бюрократии, неформальный вид кооперации — артель — представляет собою сущность русской крестьянской жизни. Вся история "союза дания России" и колонизации Сибири представляется в действительности историей охотничьих и промышленных артелей, вслед за которыми протискивались деревенские общины. Теперь мы находим артель повсюду: в каждой группе крестьян, отправляющихся с одной и той же деревней на заработки на фабрику, во всех строительных ремеслах, среди рыбаков и охотников, среди арестантов на пути в Сибирь, среди железнодорожных носильщиков, биржевых артельщиков, таможенных рабочих, во многих из кустарных производств (дающих занятие 7.000.000 людей), и т. д. Словом, сверху до низу, во всем рабочем мире, мы находим артели: постоянные и временные, для производства и потребления, во всевозможных видах. Выпоть до настоящего времени рыболовные участки на реках, впадающих в Каспийское море, арендуются грома-

(1) Э. Реклю — Эволюция революции и идеал ана-
рхизма. М. 1917 г., стр. 110.

П. А. КРОПОТКИН О КООПЕРАЦИИ.

ными артелями; река Урал принадлежит всему Уральскому казачьему войску, которое делит и переделит свои рыболовные участки — едва ли не самые богатые в мире — между казачьи-ми деревнями, без всякого вмешательства со сто-роны властей. (2)

роны властей. (2)

Несколько более сдержанно, на основании главным образом западно-европейского кооперативного движения, он судит о современной кооперации, но от этого положительная оценка им кооперации не страдает. "Кооперацию, в особенности в Великобритании, пишет он в той же работе, — часто описывают, как "индивидуализма на акциях", и несомненно, что в настоящем своем виде она легко может содействовать развитию кооперативного эгоизма, не только по отношению к обществу вообще, но и в среде своих кооператоров. Между тем, достоверно известно, что, вначале, этому движению был присущ глубокий характер взаимной помощи. Даже в настоящее время наиболее преданные сторонники этого движения проникнуты убеждением, что кооперация ведет человечество к высшей, гармонической форме экономических отношений; и, побывавши в некоторых местностях севера Англии, где кооперация особенно развита, нельзя не прийти к заключению, что значительное количество участников этого движения держится именно такого мнения. Большинство из них потеряло бы всякий интерес к кооперативному движению, если бы у них исчезла упомянутая сейчас уверенность. Нужно также сказать, что за последние годы среди кооператоров начали проявляться более широкие идеалы общего благосостояния и солидарности производителей. Нельзя отрицать также проличающегося среди них стремления, направленного к улучшению отношений между владельцами кооперативных произ-

(2) П. А. Кротошкин — Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. П. М. 1922 г., стр. 264 и 265.

водств и их рабочими. (3)

С восторгом рисует Кропоткин в "Письмах о текущих событиях" завоевания, сделанные кооперацией в области развития сельского хозяйства в Северо-Американских Соединенных Штатах и в области организации потребления населения некоторых государств, в частности в Англии и Франции. (1) И если, говоря о кооперировании сельского хозяйства в С. Америке, он бросает ту мысль, что некоторые предприятия кооперативных организаций должны принадлежать всему обществу, считая тем самым, что современные формы и деятельность сельско-хозяйственной кооперации дают лишь частичное приближение к идеалу анархического коммунизма, (2) то работу кооперации в области организации народного потребления он признает коммунистической: "пора понять, — заявляет он, передавая мысль Феррариса, — что организация рыбаков озера Изео и огородников в составе городов в кооперативы, сбывающие свою рыбу и овощи прямо городским потребителям, объединенными в кооперативы, — т. е. социалистическое или, вернее, коммунистическое решение, — единственное серьезное решение продовольственного вопроса." (3)

По мнению Кропоткина кооперация — одно из радикальных средств, направленных к осуществлению анархического общества. Эта мысль

(3) П. А. Кропоткин — Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. П. М. 1922 г., стр. 264.

(1) П. А. Кропоткин — Письма о текущих событиях. М. 1918 г., стр. 87—89 и 101—102.

(2) Кооперативное движение фермеров С. Америки, ставящее своей целью сбыт продуктов сельского хозяйства своих членов и снабжение последних различными продуктами промышленного производства и представляющее последний шаг, — пишет Кропоткин, так как елеваторы (играющие важную роль в сбыте продуктов сельского хозяйства: И. Х.) должны принадлежать не кооперативам, а стать такими же общественными учреждениями, как школы, дороги мосты и т. п. Там же стр. 81.

(3) Там же, стр. 101—102.

"ВОЛНА"

ярко блещет в ряде его писем и, в частности, в письме Дмитровским кооператорам. — "Вы старались создать, — пишет он, — такие союзы, которые необходимо вели людей к познанию, что настало время, когда экономическую жизнь необходимо обобществить: — но не из полноты, так как общественность, созданная насилием, не сможет удержаться, а путем волевого соглашения. Струнировав 30.000 потребителей — кооператоров, вы объединили не только 30.000 простых покупателей, а сотни людей, понимающих, что есть в жизни нечто высшее, чем простое личное благосостояние. Теперь сама жизнь требует от вас, чтобы вы стали деятельной силой в Великой перестройке производства и потребления, которая громко стучится в двери в Европе и Америке." (1) В письме к А. А. Алябьеву он писал, что "для организации социалистического, — вернее коммунистического, — общества среди крестьянства кооперативное движение, в течение ближайших 50 лет тоже представит живучее, творческое ядро коммунистической жизни." (2) В другом месте он высказывает мысль, что "при громадности крестьянского населения в России, кооперация, правильно понятой, как ее понимает ее оплотнитель Роберт Оуэн, предстоит сыграть в двадцатом веке такую же почтенную роль, какую сыграли в конце средних веков гильдии и волостные города." (3)

(1) П. А. Кропоткин — Однодневная газета БОК по увещанию памяти Кропоткина 8-го февраля 1922 г. стр. 3. Под перестройкой производства Кропоткин понимал организацию производства на данной территории на мал для вывоза, а для потребления местным населением на коммунистических началах. Об этом: Кропоткин — Письма к Фабрике и Мастерским. П. М. 1918 г., стр. 41—42.

(2) Из переписки учителя. Почин 2-я серия номер 3 за 1922 г., стр. 5.

(3) П. А. Кропоткин — Взаимная помощь. П. М. 1922 г., стр. 328.

"ВОЛНА"

Будущее общество рисуется Кропоткину в виде своеобразной кооперативной федерации. В одной из своих работ он так описывает анархическое общество: "Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собой для всех целей, требующих объединения: — из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительных общин, которые займутся всем, касающимся жизни, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой — снабжением всего касающегося пищи, одежды и прочего." —

Возникнут такие федерации общин между собою и потребительных общин с производственными союзами. И наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну, или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только страной. Все эти союзы общины будут соединяться по свободному соглашению между собою." (1)

Б. Фроммет, приводя эту цитату в не совсем правильной передаче, вполне справедливо замечает: "чрезвычайно ярко в этой картине анархического общества сказываются симпатии автора "Взаимопомощи" ко всяким видам товарищества и сотрудничества, напоминающего и даже слишком напоминающего, современную кооперативную работу, только одухотворенную идею полной свободы".

Немудрено после этого слышать из уст таких кооператоров, как В. Ф. Тотомианц, что "представители кооперации могут опираться на некоторые положения, выработанные Кропоткиным, и поэтому сочинения Кропоткина являются

(1) П. А. Кропоткин — Записки революционера. П. М. 1920 г., стр. 312.

"Мы вступаем в век анархии: — но ведь это вместе с тем и век духовнейших и свободнейших индивидуумов".

наиболее популярными книгами среди английских кооператоров." (3)

Какова же в общих чертах роль кооперации по Кропоткину? В ответ на этот вопрос прежде всего приходится констатировать, что кооперация, по его мнению, — радикальнейшее средство — особенно в крестьянской стране — для достижения будущего общества, причем главная особенность кооперации заключается в том, что оно является таким средством осуществления анархического общества, в котором преобладает элемент творчества, сознания новой жизни в рамках теперешнего общества. Более всего этот взгляд Кропоткина заметен, когда он заявляет, что кооперация в современных условиях приучает массу объединяться без власти и принуждения на основе свободного, т. е. анархического договора, и, по видимому, базируясь на этом, он в речи, сказанной на собрании уполномоченных Дмитровского Союза кооператоров, заявил кооператорам, что в своем творчестве жизни он "забегал вперед". (1) К сожалению Кропоткин не дал ответа на вопрос, является ли кооперация возможной ячейкой или зародышем будущего общества или нет. Но тот факт, что построение будущего строя очень близко подходит к кооперативному и та роль, которая великим революционером отводится кооперации уже в современных условиях в качестве фактора, перестраивающего жизнь на новых началах и осуществляющего анархические тенденции, дает возможность предполагать, что взгляд на кооперацию, как прообраз или возможную ячейку анархического общежития, не был для него абсолютно неприемлемым.

И. Хархардин.

(3) В. Тотомианц — Место кооперации среди других социальных движений. М. 1918 г., стр. 12.

(1) Речь П. А. Кропоткина — Промысловая кооперация. Номер 2 за 1919 г., стр. 65.

Ницше.

"В О Л Н А"

АНАРХИЗМ И РУССКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

Петр Михайлов.
Статья вторая.

Анархисты и "революционная власть".
Работа анархистов в русской революции не заключалась только в одном участии в массовом повстанческом и общем революционном движении. С начала самой февральской революции, анархисты играли не последнюю роль в событиях, принимая самое живое участие, как в массовом рабочем движении, так и в движении революционно настроенных матросов и солдат. Анархисты не могли остановиться исключительно на том или ином движении, не могли быть пристрастными к одному какому-либо из них, или провести между этими движениями какую-либо границу. Общеизвестный факт разгона учредительного собрания кронштадтскими матросами, во главе с известным анархистом Железниковым; а также требование кронштадтских матросов, во время кронштадтского восстания, освобождения из тюрем всех левых элементов, в том числе анархистов и права свободы слова, свободы печати для них, — ясно говорят нам об существовавшем анархическом движении среди матросов и об участии анархистов в этом движении.

Участие же анархистов в массовом рабочем движении также можно подтвердить их участием в рабочих организациях. Не мало анархистов, посланных делегатами от рабочих в "Профессиональные Союзы" и "Фабрично-Заводские Комитеты" работало в этих учреждениях одновременно ведя там революционную, анархическую работу. "Профессиональные Союзы" и "Фабрично-Заводские Комитеты", в период 17-го и 18-го годов, еще не были собственностью какой-либо политической партии и не представляли собой, как в настоящее время, — казенных учреждений большевиков, с их партийными чиновниками и деятелями назначения. Поэтому анархисты, как делегаты, работая в этих учреждениях, могли еще тогда выполнять возложенные на них задания и вместе с тем вести там свою анархическую работу, чтобы таким

путем принести известную долю пользы анархическому движению.

Не мало времени и энергии было уделено анархистами самоорганизации, т. е. строительству своих анархических организаций, организованных ими с целью ведения широкой анархической работы, как-то пропаганда в массах идей анархизма, или с целью проведения в жизнь, применения на практике анархических форм общности, в виде коммун построенных на свободных началах безгосударственности — анархизма. Как первый так и второй организационные приемы, как методы борьбы и пропаганды, принесли громадную пользу анархическому движению.

В первом случае, уделяя главным образом все свое внимание пропаганде анархизма, им удалось ознакомить массы с сущностью анархического учения и анархизма. По мере сил удалось разъяснить им, что окружающие их власть и правительства, как бы они себя ни называли, есть та первопричина их страданий, тот корень зла, посредством которого всякая политическая группа, стремящаяся захватить власть в свои руки, добивается своего могущества над народом.

Во втором случае, работа также была проведена не с меньшим успехом. Вторым путем, путем практики, путем строительства, как метод осуществления свободных общин (коммун), был встречен анархистами с большим подъемом, с большим энтузиазмом. В последние три года, а особенно в 1919-м и 1920-м годах, многие анархические организации и группы стремились организовать свободные коммуны. Многие настолько были заинтересованы этим, что прямо-таки вопрос этот не давал им покоя. Анархисты в этот период, как многие говорили — бредили коммунами. С большим трудом некоторым организациям удалось организовать коммуны. Усилия же большого количества товарищей и организаций пытавшихся что-либо сделать в этом направ-

лении, были напрасны. Коммунистическая власть не разрешала устраивать свободные коммуны. На все стремления анархистов и искания ими каких-либо способов устраивать таковые, советская тирания накладывала свои запреты, ведающая Полное бессилие, что либо сделать, полный успех заранее был предначертан тому, кто стремился организовать такую коммуны.

Но не смотря на крайне критическое положение, в которое правящая партия большевиков поставила анархистов, в отношении организации коммун, некоторым товарищам все таки удалось их организовать. Правда все эти коммуны, все равно, впоследствии были разграблены коммунистическими комиссарами. Опыт существования анархических коммун, доказав на практике возможность устройства свободных обществ без правительства, — показал как надо устраивать свободные общины на общинных началах. Благодаря отсутствию государства, государственной власти, привилегированного чиновничества как вредных разрушителей общества (врагов свободного общества), и замены этих паразитических элементов добровольным соглашением, частной инициативой, и полным почти нем работа в анархических общинах выполнялась прекрасно. Анархические коммуны своим внутренним устройством, постановкой своей общины — сумели заинтересовать соседних с ними крестьян. Соседние с коммунами крестьяне, очень хорошо относились к анархическим коммунам и не смотрели на них как на своих врагов, — припльцев, мешающих чем-либо внутреннему укладу их крестьянской жизни. Между анархическими общинами и крестьянскими не было никаких трений. Да и какие могли быть раздоры между двумя сторонами одинаково бывшими в зависимости, от давившего на них высшего начальства, одинаково преследовавшихся и угнетавшимся этим всемогущим богом власти, сим властью пленившая всех, поставившая все в зависимости от себя, не давала места частым раздорам. Поэтому вполне естественно, что отношения крестьян к анархическим коммунам были

более чем дружественными и симпатизирующими коммунам.

Совсем иные были взаимоотношения между коммунами и крестьянством.

Большевистские коммуны не встретили поощрения со стороны крестьян, т. к. их коммуны представляли собой привилегированные "гнезда" людей стремившихся построить свое благосостояние на бедствии других, стремившихся устроить свое счастье на порабощении других, — ить свое счастье на подобии. Большевики не на несчастии себе подобных. Большевики на коммуны забирали для своего пользования самые лучшие земли, те земли, которые крестьяне и их прапрадедушкам, приходилось в течение столетий обрабатывать и удалось лишь ценою тяжелых усилий и тяжких лишений вывезти из того первобытного состояния, в котором эти земли раньше находились. После того, как крестьянин отвоевал у помещика землю, и хотел уже своим трудом долгих лет наполнить его пустые закрома, т. е. отнять у помещика продукты его собственного труда, явились какие-то новые хозяева "коммунисты", предъявившие неограниченные права не только на помещичьи владения, на помещичью и крестьянскую землю, но даже и на продукты их крестьянского труда. В правах на землю, "коммунисты" не знали никаких границ и считали лишь себя полными хозяевами их партийного "права". В Вологодской и Смоленской губерниях, а также и во многих других, под коммуны большевиков были взяты самые лучшие помещичьи и крестьянские земли.

Могли ли быть при таких условиях, крестьяне довольными своей долей и дружественными с большевиками? Могли ли быть при создавшемся положении, хотя бы какие-либо признаки дружественных между ними отношений и взаимных уважений?

Только наивные люди, или небеспристрастные обожатели коммунистической диктатуры, а также защитники подкрашенной русской действительности, могут сказать, что отношения этих двух совершенно враждебных сторон, беспримесно искренни, дружественны и несколько не враждебны друг другу.

Революционное коммунистическое правительство" как и всякое другое, стремилось мешать осуществлению истинных свободных коммун. "Революционная власть", как всякий другой подобный ей элемент насилия, не только оказалась непригодной для свободного общежития, но даже в революционном процессе, в период его развития и движения по направлению завоеваний революции, как реакционная разлагающая сила оказалась безусловно вредной и тормозящей революционное движение.

На основании русского революционного опыта, исходя из его действительности, можно смело сказать, что определившая сама себя "Революционная власть" (а также аналогичное ей правительство) разоблачившая сама себя своими же действиями, может претендовать лишь на название ее "революционной властью" в кавычках. Исходя из фактов русской действительности, можно не колеблясь заявить, что, как "революционное правительство" так и "революционная власть", есть лишь вымысел политической партии, в пользу ее могущества. Всякая политическая группа стремящаяся к власти, всегда старалась и старается теперь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, обманывать трудовой народ, для того чтобы по спинам трудящихся взобраться на трон могущества и славы. Политическая же группа, достигшая власти, естественно стремится удержать за собой те привилегии, какими она пользуется к тем или иным она всегда вынуждена прибегать к тем или иным искусственным компромиссным приемам. В данном случае, "революционная власть" и "революционное правительство" большевиков, являющихся одним из тех неестественных возбуждителей теми наркотиками, благодаря которым большевики приблизились к трону, а теперь укрепилась на нем, силой штыка удерживают его за собой.

Власть и правительство с революцией и вообще ничего родственного с революционным. Какал угодно же с чем либо революционным. Какая угодно политическая группа, стремящаяся к захвату власти, т. е. мечтающая стать правительством, считает для себя необходимым, в процессе революции, укрепить за собой максимум прав, не

ограниченных никакими нормами, для того чтобы посредством диктатуры этих прав, проводить в жизнь свои партийные цели. Следовательно, всякая вновь нарождающаяся в процессе революции власть и правительство (как бы они себя ни называли), безусловно ничего не могут иметь общего с революцией и революционным. Всякая привилегированная сила, выделившая себя из общей революционной среды и общих интересов, безусловно не в состоянии двинуть процесс развития революции вперед, а лишь будет тормозом на пути революции, будет всецело способствовать удержанию революции, на их групповом конечном периоде, на их конечном понимании революции.

Подлинная революция, никогда не будет иметь ничего общего с властью, как с силой давящей на революционный процесс. Успех революции будет зависеть не от силы властной, насильственной, а от силы желающей освободиться от всякого насилия, не от силы желающей разрушить одну насильственную группу и стать на место второй группы, а от сплочения силы насильственных, употребляющих силу не для того, чтобы сбросить только с себя силу, или направить ее еще на когонибудь, но для того, чтобы уничтожить всякую насильственную силу и всякое насилие, от кого бы они ни исходили и на кого бы ни направлялись.

Стремление к свободе, не может быть стремлением к власти!

Желания революции не могут быть желаниями нового порабощения, — не могут быть стремлениями к господству, другой какой либо новой властной единицы, взамен прогнившей сверху до низу и скомпрометировавшей себя перед народом старой. Как первая, вновь появившаяся властвующая группа (второй, вновь нарождающейся), не могла путем насилия, путем диктатуры, установить нормальную жизнь на земле, так и вторая стремящаяся к той же власти, к тому же насилию и диктатуре, не сможет дать обществу никакой свободы и неизбежно должна будет, как предшествовавшая ей первая власть, оказаться не на высоте своего величия.

Истинная свобода несовместима с властью

и правительством, как с элементами насильственной, порабощающими. Истинная революция не удовлетворяется заменой одной властвующей группы другой, заменой одних насильников, другими, а уничтожить на своем пути всякую стремлющуюся к господству и господствующую силу.

Только с уничтожением всяких элементов насилия, революция может вступить на путь истинной свободы и только таким путем, путем справедливости, а не рабства, она приведет к свободе, равенству и братству.

ОТЧЕТЫ

ОТЧЕТ ГРУППЫ РУСС. АНАРХИСТОВ В ГЕРМАНИИ

За полгода (Март — Октябрь 1922 г.)

Товарищи! Со времени образования "Группы Русских Анархистов в Германии" прошло полгода. Группа находит нужным дать за истекшее время интересующимся ее деятельностью организациям и товарищам краткие сведения о ее работе и денежный отчет.

I

Группа образовалась в марте 1922 г. Тогда же она дала себе знать организациям и отдельным товарищам за-границей, опубликовав обращение о содействии ей в намеченной работе.

В группу вошли преимущественно русские анархисты, изгнанные из России Коммунистическим Правительством или же бежавшие от его преследований.

Главным идейным началом, объединявшим Группу, послужил принцип широкого подхода к анархизму, — подхода, дающего возможность объединить вокруг той или иной задачи, крупной или мелкой, активных и ценных товарищей, независимо от различия оттенков их анархических убеждений.

Главными практическими задачами Группы были: 1) издание за-границей на русском языке периодического органа, посвященного, прежде всего, теоретическим и практическим вопросам анархизма — преимущественно в освещении опыта русской революции; и 2) установ-

ка прочной связи с Россией в целях: а) — непосредственной осведомленности о положении в стране, и б) — возможного содействия восстановлению там анархической работы.

В отношении установления связи с Россией Группе, за истекшие 6 месяцев, удалось сделать необходимые предварительные шаги, которые, надо надеяться, дадут в дальнейшем осязательные результаты.

Что касается издания периодического органа, то Группе пришлось, пока, отказаться от этой задачи, ввиду недостатка, как в средствах, так и в литературных силах. Группа остановилась, поэтому, временно на мысли об издании не-периодической литературы книжного типа — в меру материальных возможностей. За истекшие полгода Группе удалось издать первую книжку — "Гонения на Анархизм в Советской России". Подготавливается издание ее на иностранных языках.

Следующее издание Группы намечено в виде Сборника статей по анархизму в связи с русской революцией. Сборник рассчитан на 120—140 страниц книжного формата (9—10 статей). Осуществление этой задачи требует, однако, весьма значительных средств. Как товарищи увидят из печатаемого ниже денежного отчета Группы, приход ее за истекшее полугодие выразился в сумме 80.000 немецких марок. Одно только издание первой книжки обошлось свыше 60.000 марок. Несомненно издание второй книжки должно стоить гораздо дороже — в связи

"ВОЛНА"

с непрерывным катастрофическим падением немецкой марки и соответствующим повышением цен. Возможность этого издания стоит, таким образом, в теснейшей зависимости от той материальной помощи, которую пожелают и смогут оказать Группе различные анархические и рабочие организации и отдельные т-щи. Доводя об этом до их сведения, Группа, в то же время, просит все анархические органы и издательства не скупиться и в отношении моральной поддержки Группы — присылкой литературного материала, изданий и т. д.

II
Денежный отчет Группы.
(В немецких марках.)

1922 г.	ПРИХОД:
Март:	Единоврем. взн. член. Гр — 240.00
Май и Июнь:	От тов. Б. из Франции через П. — 50 фр., через т. Леонин из Франции — 250 фр. — 8.896,20
Июль:	Из Сев. Ам через т. Кр — 10.714.— От т. Б из Фран. через т. П. — 2.050.— Из С. Ам. (Волна) 50 д. — 29.804.— — 4.800.—
Август:	Из С. Ам. (С. Францис.) — 5.000.— Из С. Ам. (от Королева) — 18.700.— Из Аргентины (через т. Г) — 300.—
Сентябрь:	Из Швейцар. (от Рвек) — 300.—

ОТЧЕТ РЕД. КОЛЛЕГИИ ОТ 1-ГО НОЯБРЯ
ДО 1-ГО ДЕКАБРЯ 1922 Г.

ПРИХОД:	За "Волну".
Чикаго	15.35
Бер-в	12.90
Бер-в "В. Г."	4.20
К-ко Мад-н	10.00
Гам-к	7.65
Ст. Катерин	3.90
П. Робинсон	1.65
Н. Гев-н	4.05
Квит №85	12.60
Бридж-т	7.00
Пас-к	0.75

Из Америки (Стелтон) от А. Берг, согласно расчета с немецкой Федерацией А—К — 3.016.—	
Итого по 1-е Октября — 83.520,20	
1922 г.	РАСХОД:
Март: Печать Группы — 140.—	
Письма — 46.—	
Апрель—Май—Июнь: Письма — 60.—	
Июль: Письма и секрет. принадлежности — 588.—	
Письма — 39.—	
За издание книжки "Гонение на Анархизм в Сов. России" уплоч. тип — 618,45	
Август—Сентябрь: Письма — 210.—	
Письменные принадлежности — 241.—	
Бумага для пиш. машинки — 1.470.—	
Россия — 1534.—	
В счет франц. перевода и перепи- ки брошюры — 2.100.—	
В счет нем. перевода брош. — 1200.—	
Книги для библиотеки Группы — 360.—	
Экспедиция брошюры — 4.500,50	
Поездка по делам Группы — 32.—	
Итого на 1-е Октября — 74.363,50	
Остаток кассы на 1-е Окт. 1922 г. — 9.156,70	

Октябрь 1922. Группа Русских Анархистов в Германии Секретарь: Волин.

Галт — 5.20	
Интер. Фале — 3.00	
Филадельфия — 6.45	
С. Вет-м — 14.50	
М. Н-ко Дет-т. День рабоч. печ. — 5.00	
Анония, за дорогу Д. — 3.00	
За литературу:	
Гам-к — 0.50	
Ст. Катерин — 1.25	
Балтим-р — 120.94	
П. Робинсон — 0.85	
Кичину — 2.00	
Кичину — 1.20	
Чикаго — 31.05	
Балтимор — 22.95	
Филадельфия — 2.25	

"ВОЛНА"

В помощь анархистам:	14.50
Ку-к Мад-н — 1.40	
Филадельфия — 23.50	
С. Франциско — 7.75	
Журналы и брошюры из Германии:	
Гамтр-к — 0.75	
Ст. Катерин — 1.25	
П. Робинсон — 1.50	
Китченер — 2.50	
Интер. Фале — 12.50	
Балтимор — 10.00	
Переезд:	
Велланд — 6.00	
Н. Бри-н — 13.00	
Мадисон К-ко — 9.00	
Помощь М-ам:	
Н. Британ — 5.00	
Чикаго А. С. Д. — 40.00	
Гамт-к — 2.00	
Чикаго X. — 450.94	
Итого приходу — 450.94	

РАСХОД:	За "Волну":	89.50
Печать и пр. — 30.00		
Машины — 35.00		
Набор — 31.70		
Пересылка — 6.50		
Почтовые расходы — 2.17		
Размен денег — 65.00		
За литературу:		
Уплочено Н. И. группе за брош. — 10.00		
Помощь анархистам:		
Выслано Г-ку — 51.50		
Журнал и брош. в Герм-ию — 30.00		
Переезд:		
Выдано на переезд тов-щам — 66.50		
Выдан огруппе пом. М-ам — 417.87		
Итого расходу — 450.94		
Приход — 417.87		
Расход — 33.07		
Остаток — 514.04		
В кассе на 1-е Ноября — 547.11		
В кассе на 1-е Декабря —		

"ФРИ СОСАЕТИ" — ПРЕКРАТИЛА СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Настоящим мы желаем объяснить, вкрат- це, причину побудившую прекратить издание "Фри Сосаети".

Эта газета издавалась группой в С. Шь А. и поддерживалась инакоговорящими анархическими движениями.

Ее задачей было: вести анархическую пропа- ганду, а также создавать движение — анархи- ческое движение.

В настоящее время мы сознаем, что наш метод был неудачен. Причин для этого было мно- го. Первая — индифферентность со стороны на- ших американских товарищей, вторая — наши товарищи не дошли до сознания, что для того чтобы быть услышанными, мы должны органи- зовываться и третья — наше материальное по- ложение было в плохом состоянии и те това- рищи, которые жертвовали раньше — не в сос-

тоянии это делать теперь.

С вышеуказанными причинами мы решили прекратить "Ф. С.". до тех пор пока мы сумеем начать это снова.

Поэтому мы обращаемся ко всем товарищам которые сознают, что движение, когда создано в малой форме, должно кооперировать с нами и совместно мы надеемся создать движение подоб- ное тому какие существуют на инакоговорящих языках и очень эффективны в многих частях страны.

Принимая во внимание банкротство "ком- мунизма" и условия существующие, как в этой стране так и по всему миру — анархическое сло- во необходимо. Наше мнение должно быть услы- шано. Мы можем это сделать, если те из вас, товарищи, которые сознают эту необходимость, начнут организовывать группы и федерировать одну с другой.

Если вы желаете известить нас о движении в вашем городе, вы можете это сделать посред-

ством "Фридома".

Что касается финансов, вы увидите из отчета даваемого здесь. Остаток средств будет употреблен на анархическую литературу.

С тов. приветом Группа "Фри Сосаети".
Финансовый отчет "Фри Сосаети" от 20-го августа до 30-го ноября 1922 г.

ПРИХОД:

Добровольные пожертвования:

Сн. Франциско	—	—	—	—	5.00
Дет — т	—	—	—	—	7.00
Ф. Г. Востон	—	—	—	—	1.00
Ж. С. Лос Анжелос	—	—	—	—	2.00
Итого					15.00

Подписка и продажа "Ф. С." и литературы.

Лондон	—	—	—	—	13.50
М. С.	—	—	—	—	1.00

"ВОЛНА"

М. К.	—	—	—	—	1.00
Л. К.	—	—	—	—	1.00
Нью Джерсей	—	—	—	—	4.00
За литературу Н. И.	—	—	—	—	10.45
Итого					30.95
В кассе на 20 августа	—	—	—	—	43.15
Всего прихода					89.10

РАСХОД:

Пересылка "Ф. С."	—	—	—	—	13.80
Зал для собраний	—	—	—	—	6.00
Письменные принадлежности	—	—	—	—	1.80
Упложено за литературу	—	—	—	—	15.00
Пересылка брошюр	—	—	—	—	1.22
Итого					37.82
Приход					89.10
Расход					37.82
Остаток					51.28

К СВЕДЕНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

В г. Роч-е организовалась пропагандистская группа под названием "Анархия". Группа ставит своей целью — распространение анархических идей среди местной русской колонии. Группа также будет оказывать, по мере возможности материальную и моральную помощь органу "Волна".

Секретарь группы.

ВНИМАНИЮ А-К ГРУПП.

На последней Конференции районов Анархо-Коммунистических групп было рекомендовано распространить залежавшиеся старые номера "Волны" посредством раздачи их бесплатно. Желательно чтобы группы сообщили Ред. Комитет сколько каждая из них возьмет старых номеров для распространения.